
ПИСАТЕЛИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЁСТКИ
СУДЕБ,
ИЛИ
ПРИЮТ ДЛЯ
СЧАСТЬЯ
Владимир
КУРКОВ

Владимир Евгеньевич Курков

Перекрёстки судеб, или Приют для счастья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74670006
Перекрёстки судеб, или Приют для счастья: поэзия / В. Курков:
Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908165-68-6

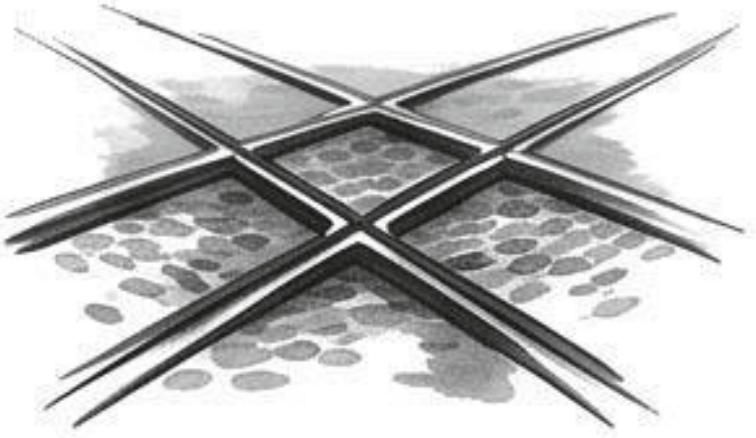
Аннотация

Жизнь как перекрёсток: беспечная юность, одинокие вечера, мимолётные встречи и искренняя надежда. Владимир Курков пишет стихи, которые хочется читать вслух, сидя у окна. В его сборнике – целая вселенная чувств: от запаха сена и дождя до лютых февральских вьюг. «Перекрёстки судеб» – это приют для каждого, кто ищет в поэзии тепла и родной души.

Содержание

Корочка льда 6
Глава 1. Беспечная юность 8
По ковру зелёному 8
Где же ты? 10
Наивный наш роман 11
Солнце скрылось 12
Приземлила 13
Там, за равниною синею 14
Рейс отменён 15
Мой нежный друг 16
Глава 2. Одинокий романтик 17
Карамелькою на палочке 17
Вдохновенье двух минут 19
За багровыми закатами 20
Так случилось 21
Глава 3. Мимолётные встречи 23
Пробуждение 23
Колдунья ночь 25
Смазались чернила 26
У нас не совпадает знаменатель 27
Маленькая трагедия 28
По синей реке 29
Мне жаль 30

Глава 4. Новая надежда 31
Живу надеждой 31
Я Вас люблю 32
Гость из древности 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34



Владимир Курков
Перекрёстки судеб, или Приют для счастья

© В. Курков, текст, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Корочка льда

Любовь – это тонкая корочка льда,
а глубже, поверь мне, простая вода.
Чем чище она, тем надёжнее лёд,
на грязной – лишь пена, любовь не живёт.

Глава 1. Беспечная юность

По ковру зелёному

По ковру зелёному дивной красоты
золотыми звёздами расцвели цветы.
Просто одуванчики – майский первоцвет,
как из детства дальнего мне пришёл привет.
Помнишь, в детском садике добрый педагог
нам с тобой показывал, как плести венок?
Соком перемазал я руки и штаны,
но смотрели с завистью наши пацаны,
как улыбкой милою расцвело лицо
в миг, когда поправил я на тебе кольцо.

Тонкой струйкой времени сыпется песок.
Эпизод из памяти выхватил висок.
Вот уже мы школьники, и идёт урок.
Надоели суффиксы. Скоро ли звонок?
Ты сидишь красивая впереди меня.
С плеч спадают локоны рыжего огня.
Маленький и жёлтенький, яркою звездой
к волосам приколотый одуванчик мой.
Золотою звёздочкой мне в глаза глядит.
До волос дотронуться он меня манит.

Снова струйкой времени сыпется песок.
Мы с тобою в лодочке. У меня весло.
Гладь пруда застывшая, на воде цветы.
В воду, словно в зеркало, заглянула ты.
В чистом отражении юного лица
разглядела солнышко в рыжих волосах.
Накренилась лодочка, зачерпнув воды.
Мы по пояс мокрые оба – я и ты.

Дни листаю в памяти те, где мы вдвоём.
Где сегодня девочка с золотым цветком?
Может, одуванчики под её окном
Поутру напомнят ей мальчика с венком?

Где же ты?

Заполнен луг глинтвейном ночи,
и захмелевшие сверчки,
как полоумные, стрекочут.
В пруду лягушек хор кричит.

А я на сене, наблюдаю:
кружит Вселенной карусель.
И, в сахар звёзд лимон макая,
пьёт по глоточку лёгкий хмель

на небе Дева и скучает.
Сегодня не пришёл Персей.
Я тоже жду, а время тает.
Досада в сердце всё острей.

Пьянит волшебный запах сена.
Я для тебя собрал цветы
и… так хочу теплообмена.
Беги скорее. Где же ты?

Наивный наш роман

Безумно долгий день в мешке уносит солнце,
как в сказке хитрый лис за тёмные леса.
Не видя деревень, бегут, как марафонцы,
издав протяжный свист, вдогонку поезда.

Нам некуда спешить: лежим на сеновале,
глядим, как на закат змеёй ползут огни.
Пускай росою сныть забрызгала сандалии,
восторженно блестят глаза, и мы – одни.

Баюкают сверчки. Притихло мелколесье.
Но как возможно спать? Ведь крылья за спиной
и звёзды-светлячки зовут нас в поднебесье.
Приятно помечтать под жёлтою луной.

Полночный самолёт подмаргивает хитро.
По полю расстелил июнь густой туман.
Прохлада не возьмёт. Стал общим тёплый свитер,
объятием скрепив наивный наш роман.

Недолог счастья миг. Заря скрывает звёзды,
а бриз спешит слизнуть туманные слои.
– Смотри, идёт старик. Бежим, пока не поздно!
– Постой же, не забудь сандалии свои!

Солнце скрылось

Солнце скрылось. Темнеет заметно.
Не смолкая, поют соловьи.
Мы в театре под сводами лета.
Звёзд софиты таинственным светом
освещают подмостки Земли.

А в бескрайних просторах Вселенной,
где-нибудь у далёкой звезды,
есть такие же люди, наверно.
Так же в небо глядят, и неведом
им тот факт, что на них смотрим мы.

Мы две капли воды в океане.
Нас не видно, но всё же мы есть.
Затянувшись надолго, молчанье
в сотни раз обостряет внимание
так, что мысли возможно прочесть.

Приземлила

Хочешь, Луну обогнув на хвостатой комете,
звёздному Льву подмигнём и, потрогав рукой
спины идущих по млечной дороге Медведиц,
вместе покормим с ладоней Пегаса нугой?

Хочешь, свернём на часок навестить Андромеду,
вкусного чая попьём с голубым молоком
или, к Возничему сев в золотую карету,
по зодиаку к Стрельцу долетим с ветерком?

Может быть, хочешь умчаться со скоростью света
вместе со мною парсеков за пять от Земли?
Там, возле жёлтой звезды, есть живая планета.
Вместе с тобой мы на ней поселиться б могли.

Встретились взгляды. Померкли далёкие звёзды.
Ноги лизнула, на пляж накатившись, волна.
Ты прошептала: «Мой милый, мне хочется прозы,
и на Земле нам отмерено счастья сполна».

Там, за равниною синею

Там, за равниною синею, день уходящий исчез.
Падает вниз обессиленно чайки распластанной крест.
Гулко ударил в подножие скал накатившийся бас.
Звуком гудка потревожена, тьма приоткрыла свой глаз.
Светом луны, будто бабочка, пойман покинувший порт,
счастье в сиреневой шапочке выкравший вор-теплоход.

Дальше и дальше от берега. Пена кипит за кормой.
Нет! Ни за что не поверю я в краткость любви неземной.
Воздух глотая, отчаянно мечется рыбка-душа,
боль заглушая молчанием, рвётся в погоню. Спешат
мысли, толкаясь и путаясь, – хаос. Обидно вдвойне.
Скрежет. Посудина утлая плачет, сочувствуя мне.

Не возвратить, что потеряно: не долететь, не доплыть…
От горизонта до берега тянется лунная нить.
Звёзды сияют – идиллия. Шепчется берег с волной.
Я, расписавшись в бессилии, молча сижу под скалой.
Шрам по воде светлой линией. Спазм – погасил волнорез,
а за равниною синею день уходящий исчез.

Рейс отменён

Я зажгу ароматные свечи,
старый год проводив за порог.
Счастья век, как всегда, быстротечен.
Очевиден печальный итог.
Мне сегодня осталось так мало:
ниткой памяти образы сшить.
Только разве об этом мечтал я?
Разве ты не желала любить?

И казалось бы, всё очень просто:
челноками бегут поезда.
Только нам – на затерянный остров,
что с годами всё дальше. Туда,
распластав бирюзовые крылья,
птицей счастья летит самолёт.
Жаль: для нас этот рейс отменили.
Время вспять на Земле не идёт.

Остаются мгновенья в альбомах,
как от жизни последний урок.
Милый образ, до боли знакомый, –
прошлой осени яркий листок.

Мой нежный друг

Мой нежный друг, к тебе не дотянуться,
на ушко не шепнуть важнейших слов.
Судьба распорядилась разминуться
во времени и шуме городов.

Не встретиться в толпе случайным взглядом,
воздушный не отправить поцелуй,
и те часы, когда мы были рядом,
вернуть нельзя, как ты ни протестуй.

Приветы из страны полей далёкой
для сердца – поцелуй от облаков –
на жизни холст, от слёз слегка поблёклый,
наносят краски нежностью мазков.

Как солнца луч, ласкаешь словом душу,
но я прошу: «Не надо, не лечи».
Я так хочу тебя сегодня слушать,
но завтра… Завтра лучше помолчи.

Глава 2. Одинокий романтик

Карамелькою на палочке

Карамелькою на палочке красный лист упал в траву.
Стихли детские считалочки. Неба с просинью канву
вышивает пёстрым бисером осень лёгкою рукой.
Блюз по листьям – пианиссимо, шепчет клёнам дождь слепой.
Растекается низинами молоком парным река.
Сквозь туман торчат щетиною мачты сосен в облака.
Через реку яркой аркою натянуло лето лук.
Улетают в страны жаркие стрелы птиц, покинув луг.
Золотая рыбка-солнышко в серой тучке, как в сети,
чешую свою и пёрышки бьётся, рвёт об ячеи.
Невозможно не печалиться: сбросит лес листвы фату,
промелькнёт сентябрь, останутся астры звёздами в саду.
Рыжей девы расточительность – в сказку светлую полёт,
но промозглая действительность вновь к реальности вернёт.
Буйством красок очарованный, захмелев от красоты,
в зимний день пейзажи новые тонкой кистью на холсты:
листик красный – карамелькою, неба с просинью канву,
осень в платьице с бретельками – напишу и позову.

Оживёт девчонка рыжая, улыбнётся мне зимой.
– Приходи! Прошу, услышь меня! Как я счастлив был с тобой!

Вдохновенье двух минут

Помахало лето ручкой, унесло с собой тепло.
Поутру на серой тучке осень рыжая верхом
прилетела и присела у реки на бережок,
опустила ножки белы в пробегающий поток.

Хороша в реке водица. Рыбки мелкие снуют.
Платье сбросила девица и по грудь зашла в струю.
Солнце рыжее, смущаясь, скрылось в листиках ветлы.
Только лучики, мелькая, гладят плечи молоды.

Тут девица озорная, окатив водой ветлу,
рассмеялась и, играя, дарит солнцу поцелуй.
Растеклась по небу краска – это алая заря,
друга милого со страстью ревновать решила… Зря!

Осень солнцу не подруга. Всё короче светлый день.
Росы холодны по лугу. Всё длинней деревьев тень.
Братья девицы суровы: дышат паром, воду льют.
Осень – это счастья порох, вдохновенье двух минут.

За багровыми закатами

За багровыми закатами, где зелёный океан
лижет волнами косматыми берега далёких стран,
за серебряными пиками гор, хранящих от ветров,
ждёт подруга луноликая из моих фантазий-снов.

Бархатистым нежным голосом о любви своей поёт,
заплетает в косу волосы день за днём, за годом год;
облаков пушистых прядочки, вместе с солнечным лучом,
ручкой тонкою на прялочке крутит в ниточку, клубком.

Он однажды тёмным вечером станет полною луной,
поплывёт рекою млечною, оставляя за собой
нити тонкой шлейф невидимый в лабиринте синих звёзд.
Мне – Тесею-победителю – к Ариадне хрупкий мост.

Так случилось

Так случилось: прошла молодость,
промелькнули года зрелости;
полюбил, и прошла скованность,
позабыл о земных ценностях…

Всё, что было, – теперь прошлое.
Что случится – судьбе ведомо.
Собираю любви крошево
и осколки мечты светлые.
На конверте с пятью марками
нарисован цветок аленький.
Поменял он края жаркие
на страну, где зимой – валенки.

Задушевных стихов ленточки
выводила рука нежная
на листочке двойном в клеточку:
диктовала пора вешняя.
Почтальоны конверт штампами
заклеймили, в мешок бросили,
и, запачкан чужой лапою,
не весной он пришёл – осенью.

А у рыжей – глаза влажные:
– Не виновна!

Права девица.
Опоздали слова важные.
В нужный час не смогли встретиться.

Боль по сердцу скребёт кошкою.
Горизонта черта медная
кровото́чит. Душа в прошлое
за мечтою летит светлою.

Глава 3. Мимолётные встречи

Пробуждение

Огненными стрелами, золотом по белому
вышивает солнышко локоны весны.
Ветер вяжет в кружево облака жемчужные.
Я сижу на брёвнышке и вдыхаю синь.

День нагрел проталины. Ручейки хрустальные
голосами звонкими оживили двор.
Рыжие и пёстрые распушили шёрстки и
щурят глазки щёлками, оседлав забор.

Ангелом-хранителем подошла – невидима,
села светлым зайчиком рядом помолчать,
тронув за предплечье, боль сняла сердечную,
прошептала вкрадчиво: «Чур не унывать!»

Улыбнулся вежливо, и фигуру снежную
вылепил я с мыслями про свою печаль.
Пусть растопит день её, пусть корнями дерево
всю впитает. Чистая распахнётся даль.

Солнце сосны суриком красит. Скоро сумерки.

Звёзды загораются. Осмелел мороз.
На халате порванном серебром по чёрному
вышивает зимушке он узор из роз.

Вот ведь наваждение: всюду пробуждение.
До чего обидные шалости весны
для зимы. И с вечера горько плачет женщина:
«Где ж такое видано, чтоб зимой цветы?»

Колдунья ночь

Колдунья ночь пришла и обняла
меня своими нежными руками.
Качнулось небо. Тихо поплыла
земля под ослабевшими ногами.
Я был безоговорочно пленён
гипнозом фраз и магией сближенья.
Что это было – погруженье в сон,
а может, лишь игра воображенья?
Проснулся. За окном уже светло.
На спинке стула женская пижама,
а в ду́ше запотевшее стекло.
Не сон. И от волненья сердце сжалось.

Смазались чернила

Как странно: ты ушла, а боли нет.
Разлук цепочка чувства притупила.
Скрипичный ключ, венчавший нот фрагмент,
один остался – смазались чернила.

Души моей исполнила каприз,
коснувшись струн, забывших нежность пальцев.
Любовь и страсть. Мгновенье, задержись!
Нет! В сердце ты была лишь постояльцем.

В последнем такте: щёлкнувший замок
и каблучков прощальный степ на маршах,
с короткой фразой реквием-листок:
«Прости, хороший. Счастлив будь. Наташа».

У нас не совпадает знаменатель

Злорадствует ехидная молва.
Теперь любовь – остаток от деленья.
Доведены до белого каленья
мы оба. Будет битва за права?

От прежних чувств остался остов, а
эмоциям неведомы сомненья.
Всё в жертву. Никакого сожаленья.
Разят, как пули, хлёсткие слова.

Я не хочу! Мне ненавистны споры.
Орудиям подпилены затворы.
Остынь. Горячка добавляет бед.

С любимой не сражаюсь – не предатель!
У нас не совпадает знаменатель,
но мне не нужно над тобой побед.

Маленькая трагедия

Ни друзья, ни враги – лишь соседи
по плацкарту. Молчали всю ночь,
утонув с головой в интернете, –
чьи-то сын и подросшая дочь.
Не взглянув друг на друга ни разу,
улыбались и морщили лоб.
Виртуального мира зараза:
пальцы скачут по кнопкам без слов.

Утро. Ей выходить в Краснодаре.
Он помог ей спустить чемодан.
Взгляды встретились. Замер в печали.
– Ну какой же ты, Рома, чурбан.
Счастье рядом сидело, молчало,
а теперь упорхнёт навсегда…
И осталось немыслимо мало:
лишь рукой помахать из окна.

По синей реке

Мне приснилось, как по синей реке,
проплывая, дал гудок пароход.
Я стоял на пирсе с кистью в руке
и мурлыкал старомодный фокстрот.

Сарафан лиловый, зонт кружевной,
по плечу струится лента-коса.
Очарован был твоей красотой.
За меня всё рассказали глаза.

Улыбнувшись, помахала платком.
За кормой остались пирс и причал.
Мне не вспомнить то, что было потом:
говорили, я кому-то кричал.

Каждый раз, когда по синей реке,
приближаясь, загудит теплоход,
я гляжу, сжимая кепку в руке,
и боюсь, что счастье мимо пройдёт.

Мне жаль

Для многих я всего игрушка –
забава максимум на год.
Так: увлеченье, безделушка.
Кто был в сей роли, тот поймёт.
Но оттолкнув холодным взглядом,
вдогонку бросив пару фраз,
все возвращались с листопадом.
Все возвращались… и не раз,
к простой, потрёпанной игрушке,
желая нежности, тепла.
Мои беспечные подружки,
мне жаль, но жизнь, увы, прошла.

Глава 4. Новая надежда

Живу надеждой

Мне каждый год – короткое мгновенье.
Весь мир сквозь затемнённое стекло.
Теперь я многолетнее растенье,
чтоб расцвести, мне надобно тепло
и много света яркого, живого,
такого, чтоб внутри меня согрел.
Тогда, быть может, возродится снова
душа, как фиолетовый прострел.

Пока же ноги белые красавиц
нещадно топчут нежные ростки.
А рядом зеленеют всем на зависть,
скрывая суть, осот и лопухи.
Корнями душат. Листья распуская,
к земле меня стараются прижать.
Храню надежду. Ведь весной, я знаю,
от звёзд моих вам глаз не оторвать.

Я Вас люблю

Я – Вас люблю? Нет ясного ответа.
Ещё сильны воспоминанья лета,
когда я счастлив был совсем с другой
и чувства неподдельные душой
я к ней питал, достойные сонета.

Не скрою, Вы, как яркая комета,
ворвались в мир, наполненный тоской.
Но как ответить на вопрос простой:
«Я Вас – люблю?»

У совести под дулом пистолета
я осознал: нет прошлого обета.
Есть та, кто предназначена судьбой.
Хочу сказать сегодня Вам одной:
«Мой ангел, оставайтесь до рассвета.
Я Вас люблю!»

Гость из древности

Наливное яблочко, сделав круг по блюдечку,
показало все твои тайные мечты:
куст жасмина, лавочку в тихом переулочке,
рыцаря, которого ждёшь так долго ты.

Статен добрый молодец, латы золочёные.
Преклонил колено он. Эх! Не слышно слов.
Тайна скрыта в шёпоте. Ты сидишь польщённая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.